

Эвелина Тень

Мой парень - снеговик

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Т33

Тень Э.

Мой парень - снеговик / Тень Э. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 201 с.

ISBN 978-5-532-03258-3

Жанр: школьное фэнтези. Даша Сереброва, ученица выпускного класса гимназии, знакомится с романтическим красавчиком, оказавшимся зимним духом. Новый мир и первое чувство влекут к себе так же сильно, как и пугают. Выберет ли Даша прилежную подготовку к ЕГЭ или рискнёт с головой погрузиться в новогоднюю сказку? Попытается ли совместить и то, и другое? Чтобы решить, Даше придётся повзрослеть, обретая опыт личной жизни в общении с экзотическим бойфрендом и закаляя характер в школьных буднях и дружбе-борьбе с одноклассниками. Зимняя сказка начинается...

Не понимаю, что такого романтического в старших классах. Ничего. По крайней мере в отдельно взятом выпускном классе нашей средней общеобразовательной школы. Вернее, не такой уж и средней – вообще – то она гордо называется гимназией (что означает резкий гуманитарный уклон), но это, впрочем, никак не сказывается на уровне романтики в повседневной жизни её учащихся. А ведь должно бы, если подумать. Мы же все такие утончённые: два иностранных языка, зарубежная литература, история искусств и, наконец, хореография. Да-да, именно что хореография, а не ритмика или танцы. В начальной школе я представляла себя этакой благородной девицей, получающей образование и воспитание для того, чтобы в дальнейшем блистать в светских салонах. Благодаря усиленным занятиям к шестнадцати годам блеск появился, но запросов на него от высшего общества не поступало. Более того, я и с самим-то высшим обществом ещё не сталкивалась, и в глубине души росло смутное предчувствие того, что придется мне пересмотреть планы на светлое будущее и оставить мечты о многогранной и возвышенной профессии светской львицы ради прозаичного, но более востребованного ремесла экономиста. Но будущее будущим, а школа – школой. И вот я уже третий месяц пытаюсь найти хоть что-нибудь привлекательное в положении ученицы выпускного класса. И, увы, не нахожу. А ведь согласно американской подростковой литературе (и сериалам тоже) High school – это место (и время!), словно нарочно созданные для самых пикантных приключений. Кстати, отечественный кинематограф в последние годы активно разделяет эту точку зрения. Но, знаете, есть один момент, который лично у меня вызывает искреннее недоумение: и это не внезапное обретение сверхспособностей или рождение тройни от инопланетянина, нет, во всех этих «школьных» романах и фильмах НИКТО НЕ УЧИТСЯ! Нет, правда, там никто не учится! Герои заняты всем, чем угодно: успевают создать (и пересоздать) пары и даже семьи, попутно сделать карьеру фотомодели или поп-звезды, провести детективное расследование, объездить половину земного шара и даже спасти мир, но НИКТО НЕ УЧИТСЯ! Словно нет ни домашних заданий, ни профи-

лей, ни факультативов, ни контрольных работ или тестов и не маячит перед бедными выпускниками страшилка под названием ЕГЭ (звучит-то как!)

Самое романтическое, что случилось со мной за последнее время – это то, как странно ёкнуло мое сердце, когда сегодня утром на автобусной остановке я выловила взглядом из толпившихся людей беловолосую макушку незнакомого парня. В общем-то, все потенциальные пассажиры общественного транспорта не были мне представлены, но за три месяца учебного года большинство лиц стало узнаваемым, потому что изо дня в день в одно и то же время мы все сосредоточенно собирались под пластиковым куполом остановки, чтобы к определенному часу почтить своим присутствием рабочие или учебные места. Конечно, иногда появлялись и новые «разовые» пассажиры, на одну поездку примыкающие к нашему «основному» составу, и среди них, бывало, попадались и молодые люди, но никто до сих пор не привлекал моего внимания. Дело было, скорее всего, в этой самой беловолосой макушке, размышляла я, прокручивая в памяти утреннюю встречу. Такой цвет сам по себе бросается в глаза, а потом с некоторым недоумением осознается и тот факт, что на улице минус десять, а обладатель шевелюры без шапки. Выпендрейщик, фыркнула я, продолжая, однако, с интересом рассматривать всё, что было доступно моему взгляду, а это, кроме уже упомянутой выше белоснежной копны волос, были часть спины и рука, прикрытые довольно лёгкой спортивной курточкой. Что-то он одет не по сезону, неодобрительно подумала я, машинально потянувшись поплотнее запахнуть пуховичок и подтянуть повыше шарф. Или закаляется? А может, (у меня внутри всё перевернулось от жалости), его ограбили?! Я осторожно выглянула из-за стоявшей рядом женщины в возрасте, но ничего не рассмотрела и решила оставить эти попытки. Более того, надо отвернуться, посоветовала себе, чтобы не увидеть его лицо и не разочароваться: волосы слишком светлые, да что там, откровенно белые, наверное, он альбинос, а они такие страшенькие, бледные, без бровей, без ресниц, с красноватыми глазами. Я улыбнулась, вдруг осознав, что набросанный мною портрет скорее смахивает на вампира. И откуда эти красные глаза у альбино-

сов? Что за стереотипы! Хмыкнула иронично, но разочаровываться в парне всё равно не хотелось: уж лучше я унесу с собой это непонятное неожиданное волнение (если не сказать, томление!) и придумаю какую-нибудь красивую историю, чтобы помечтать на особо утомительном уроке (в конце концов, я же всё-таки гуманитарий), чем убедиться, что в нем нет ничего особенного, и моя жизнь так же сера, как и была до сих пор. Автобус развернулся и замигал правыми фарами, толпа на остановке всколыхнулась и вся подалась вперед. Я подобралась, покрепче перехватывая рюкзачок, бросила прощальный взгляд на заинтересовавшего меня парня и... пораженно замерла, пригвожденная к месту, а именно, к моим двадцати пяти квадратным сантиметрам расчищенного асфальта.

Его брови и ресницы действительно были очень светлыми, практически не заметными, и лицо если не бледное, то уж точно не смуглое и не загорелое, но всё это не имело никакого значения, потому что парень был потрясающе красив. А если говорю: красив, то мне можно доверять, поскольку в этих вопросах я весьма придирчива. Но не только это заставило меня застыть истуканом: незнакомец смотрел прямо на меня, пристально, доброжелательно, и не просто смотрел! Он...улыбался. Улыбался мне! И не игриво или насмешливо, лучась самодовольством от вида сраженной наповал малолетки, а искренне, мягко и даже... я споткнулась на этом слове... интимно? Словно на этой остановке никого, кроме нас с ним, не было, а сами мы были закадычными друзьями ну, по меньшей мере, лет сто.

— Девушка, вы заходите? — меня нетерпеливо подтолкнули в спину, я моргнула и заскочила в автобус. Не удержалась и обожала салон глазами, стараясь это сделать как можно безразличнее: беловолосого не было. Заняла сиденье у окна и прижалась носом к стеклу, косясь на остановку: парня не было и там. Странно. Он ушел? Почему? Или его кто-то подвез? Рядом сел грузный мужчина, неловко и весьма ощутимо заехав мне локтем по плечу. Что ж, добро пожаловать в реальную жизнь! Я улыбнулась. Всё, сказка закончилась. И то верно, целых пять минут романтических переживаний — это уже как-то слишком для серьезной ответственной гимназистки, целиком и полностью сосредоточенной на ЕГЭ.

Я вздохнула, поправила рюкзачок на плече и, прервав внутренний монолог-воспоминание, влилась в поток учащихся, штурмующих крыльцо родной муниципальной образцовой гимназии. Поскольку поток не иссякал (до звонка оставалась четверть часа), то и дверь не закрывалась, и алчущие знаний дети просачивались внутрь alma mater, время от времени прибегая к помощи локтей, бедер и коленей. По коридору мы все плавно перетекли в гардеробную. Там, не смотря на высокий статус школьного заведения, всё было как у нормальных людей: шум, гвалт, прыжки и толканье. Ученики радостно орали, приветствуя и пихая друг друга, и все как один стремились сдать замученным дежурным одежду вне очереди, неуклонно подгоняемые движением стрелок на огромных круглых часах. И никаких тебе «Пardоньте – муа» или «Не будете ли вы так любезны». Ничего подобного. Крики, суета, а иногда и ругань. В раздевалке для девочек было не протолкнуться. Я было заметила свободный стул, но мне наперерез бросилась какая-то девочка из средней школы, заодно чувствительно наступив на ногу. Пискнула что – то виноватое, но стул оккупировала и отдавать не собиралась. Вот тебе и уважение к старшим! Я со вздохом пристроилась к стеночке: мне главное теплые леггинсы с себя стащить, а всё остальное смогу сделать и в общем холле. Правда, чтобы снять леггинсы, сперва предстояло избавиться от угги.

– Дашка, привет! – раздался бодрый возглас подруги Ленки, за которым последовал такой же тычок в бок, от которого я запрыгала на одной ноге в сапожке, изо всех сил стараясь не потерять равновесие и не уронить наполовину снятые штаны. Наконец, мне удалось сунуть вторую ногу (уже только в колготке) в туфлю и обрести необходимую точку опоры. Дальше переодевание пошло веселее.

– Привет, привет, – ответила. – Чего пихаешься? Не видишь – я в процессе.

Лена нахмурилась:

– А чего ты тут притулилась, как бедный родственник? Вон малышни полно, сейчас шуганём...

– Ты же знаешь, я против дедовщины, – наставительно произнесла, запихивая угги в пакет.

– Ой, дедовщина! Не смейся меня! – Лена закатила щедро накрашенные тушью глаза. – У начальной школы своя раздевалка, а раз до средней дожили, значит, не такие уж и маленькие. И вообще, пусть привыкают к трудностям жизни, закалённее будут. С нами, что ли, кто-то нянчился? – и подруга уверенно потокала вперед.

– Эй, девочка! – донёсся до меня её властный голос. – Ты вроде уже переделалась, чего сидишь? Уступи место другим.

В ответ раздался какой-то писк (в Ленкиной жертве я с легкой мстительностью узнала ту школьницу, что отдала мне ногу), и вожаемый стул освободился. Девочка потащила ворох одежды к выходу.

– Спасибо, – вежливо сказала ей, но конечности на всякий случай держала поближе к себе.

Подруга тут же плюхнулась на сиденье и расстегнула сапоги. Я повесила рюкзак на крючок и размотала шарф.

– Слушай, ты домашку по алгебре сделала? – как бы между прочим пропыхтела Ленка, расправляясь с обувью.

– Да, – я засунула шапку и шарф в рукав пальто, а леггинсы – в пакет с угли.

– Правда? – удивилась Лена.

– А бывало иначе? – теперь удивилась я.

– Вообще-то нет, – промямила подруга, энергично борясь с рукавами пуховика и одновременно с девушкой из параллельного класса, которая разместила свои пожитки так, что они всё время съезжали на наш стул. Вернее всё же, не с девушкой, а с её сумкой, нагло вторгшейся на нашу территорию. – Но ведь математичка совсем озверела – одних номеров задач на полстраницы! Я их и записывать-то до конца не стала.

Лена отпихнула вражескую сумку на соседнее сиденье, собрала варежки и теплые носки, положила в пакет.

– Дашь списать? – деловито поинтересовалась она и тут же добавила в голос немного заискивания. – Ну, Дашуль, пожалуйста, не всем же быть такими умными!

– Списывай, что успеешь, – великодушно разрешила я, но тут же не удержалась от замечания, – хотя могла бы и сама поднапрячься разок!

– У нас гимназия вообще-то, а не лицей, – резонно заметила Елена, направляясь к двери, – я – ярко выраженный гуманитарий.

– Ага, и потому у тебя по всем языкам тройки, – съязвила, продвигаясь за ней, – и ладно бы по иностранным, так и по русскому тоже.

– Ну, подруга, уела так уела, – сокрушенно покачала головой Ленка, занимая очередь в гардероб после того, как попытки избежать этого были решительно пресечены дежурным учителем.

– Ладно, извини, – примирительно сказала. – Просто я вчера до полдевятого с этой алгеброй сидела, а так хотелось книжку почитать. Я новую купила, фэнтези, про любовь...

– Странное у тебя пристрастие – книги читать, – недовольно прокомментировала Лена, – глаза за день не устают, что ли?

– Мы же гуманитарии, – поддела её я.

– Лучше бы «Закрытую школу» посмотрела, она в девять идет, – продолжала подруга, игнорируя мою реплику, – так и уроки бы сделала, и удовольствие получила.

– Это же повтор, фильм – то старый совсем, – пожала плечами. – Я ещё в прошлый раз всё смотрела.

Мы сдали в гардеробную одежду, получили номерки и быстрым шагом (или правильнее лёгкой трусцой) направились в класс. Первым уроком, как вы уже поняли, была алгебра, и это настроение никоим образом не улучшало, а жажду романтики и приключений только усиливало.

– Лена, Даша, доброе утро!

– Дашка, привет! Как дела?

Мы вошли в класс, и одноклассники приветствовали нас. Хи – хи, прямо стихи! Кстати, как вы уже, наверное, догадались, меня зовут Дарья. Если кто – то думает, что это редкое имя, то, значит, он родился не в этом веке, и даже, пардон, не в конце прошлого. На нашем потоке три Даши. К счастью, судьба была милостива к нам и ухитрилась разместить по одной Дарье в каждый из трех классов,

так что среди «ашек» у меня не было конкуренток. Я в очередной раз вознесла за это хвалу ангелу – хранителю и покровителю, здороваясь с двумя Кристинами и тремя Елизаветами, которым повезло меньше. Вообще, судя по моим одноклассникам, на рубеже столетий фантазия детородного населения нашего города претерпела значительный творческий подъем, и оттого меня уже десять лет радуют своим обществом Савелий, Эрнест и даже Пафнутий. И если имена первых двух редко, но всё же попадались среди прочих учеников школы, то родители Пафнутия смогли отличиться даже в нелёгких условиях всеобщего выпендрежа.

Я бросила на стол тетрадь и учебник. Лена любила часть урока провести за медитативным наблюдением за жизнью вне школы, меня же часто вызывали к доске, поэтому мы разместились, исходя из этих реалий: подруга у окна, а я – у прохода между партами. И если вы думаете, что учителя спрашивают чаще двоечников, то вы жестоко ошибаетесь. В выпускном классе к доске вызывают того, кто хоть что-то на этой доске может написать.

– Хелло, гёрлы, – с задней парты галантно просипел Пафнутий, в простонародье Фунтик. Надо отметить, что это прозвище ему подходило чрезвычайно, особенно в начальной школе, когда и надёжно за ним закрепилось: образ мультяшного несуразного поросёнка с печальными глазами, казалось, был словно срисован с худосочного мальчика. К тому же имя Пафнутий не предполагает разнообразия сокращённых форм, поэтому учителя с первого класса уважительно называют Кривобокова полным именем, а одноклассники, испробовав Пафика и Нутика, единогласно остановились на Фунтике. Правда, оказалось, что родители иногда зовут его Феней, но он признался в этом слишком поздно, да и на мой взгляд разница между Феней (ласково это Фенечка, что ли?) и Фунтиком не так уж велика. – Как ваше ничего?

Я кивнула, а Ленка игриво ответила:

– Наше-то очень даже, а твоё как?

Но Фунтик уже погрузился в себя, потеряв интерес к разговору и придав взгляду самоуглублённое выражение. Не дождавшись от

него реплики, подруга начала интенсивно рыться в моей тетради в поисках выполненных заданий.

– Всем привет! – Савелий бухнулся за стол рядом с Пафнутием.

– Привет, Савка, – сказала я и невольно покосилась на его объемный рюкзак, который он с грохотом бросил на пол: такое впечатление, что расписание Савке не ведомо, и он на всякий случай таскает все учебники, какие есть, и ещё дополнительную литературу. Или что у него там, гантели? Чтобы мускулатуру заодно подкачивать? Что ж, у каждого свои закидоны. Вот, например, судя по размерам и весу Фунтиковой барсетки, тот в школу берет только авторучку и свернутую в трубочку одну – единственную тетрадку на все случаи жизни.

Я уселась за парту, достала зеркальце, поправила волосы и огорченно вздохнула, обнаружив на подбородке прыщ, которого вчера ещё вроде не было. Ладно, сейчас всё равно его давить рано, да и заразу могу занести, до вечера придется продержаться. Так, через пару минут звонок. Я бросила последний придирчивый взгляд, спрятала зеркальце в рюкзачок и... ойкнула, вздрогнув от резкой боли в спине.

– Эй, Сереброва! – Савелий увлеченно тыкал карандашом мне под лопатку. – Дай алгебру списать!

– А вербальное общение тебе недоступно?! – возмутилась я и, морщась, потерла спину.

– Чего? – озадачился Савка. – Ты не умничай, не в Оксфорде.

– Просто спросить не мог? – перевела я. – Зачем синяки ставить?

– Так доходчивее, – пояснил Савелий. – Дай тетрадь, я только до двести срокового задания дошёл.

– До дести сорокового? – ехидно улыбнулась я. – Это в смысле решил два из двенадцати заданных?

– Я у неё уже списываю, отстань, – подала голос Ленка, ставя рекорды по скорописи. – Вон у Фунтика попроси, он тоже умный.

И мы все трое посмотрели на Пафнутия, который сидел с остекленевшим взглядом и доброжелательно нам улыбался. Враги сказали бы: обдолбанный пацан, но это была бы наглая ложь. Просто Фун-